

УДК 94(571.1/.5)

ББК 63.3(253)6

**Внутрисемейные отношения у рабочих Сибири
в конце XIX — начале XX в.**

В.Н. Фаронов, Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Internal Family Relations Among Workers in Siberia
in the Late XIXth — Early XXth Centuries**

V.N. Faronov, Y.M. Goncharov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Внутрисемейные отношения рабочих Сибири подверглись в исследуемый период лишь незначительным изменениям. Эгалитаризация и демократизация только намечались. В целом оставались господствующими традиционные патриархальные отношения, подкрепляемые и основным вкладом в семейный доход мужа — главы рабочей семьи. Это также обуславливалось низкой занятостью женщин на производстве, что консервировало прежние патриархальные отношения. Вместе с тем в рабочей семье наблюдались явления разложения и деградации: усиление внутренней конфликтности, сексуальной распущенности, пьянства, асоциальности подрастающего поколения (проявляющегося в том числе и в росте массового хулиганства), ослабление контроля над подрастающим поколением (нарушение воспитательной функции семьи). Но одновременно нарастала и тенденция новых, более осознанных взаимоотношений, основанных на равноправии и самоконтроле. Первое являлось следствием маргинального положения значительной части рабочих, второе — признаком появления особенностей рабочего класса и присущей ему семьи нового типа.

Подобная ситуация не являлась какой-либо особенностью развития семьи представителей рабочего класса в Сибири. Такие же процессы происходили и в семье российского рабочего. Сибирь лишь отставала в масштабе и глубине изменений из-за своего значительно меньшего и более позднего социально-экономического развития. Особенностью Сибири можно признать более свободные супружеские отношения не только среди рабочих, но и среди традиционных слоев сибирского общества, ставших кадровой основой становления рабочего класса.

Ключевые слова: Сибирь, рабочие, семья, внутрисемейные отношения.

Family relations of workers in Siberia in the period under study were slightly changed. Egalitarian and democratization just started to develop. In general the society was dominated by traditional patriarchal relations, supported by the role of the husband as the head of the working family. It also was caused by the low employment of women in industry, which conserved former patriarchal relations. However, a working class family witnessed phenomena of decomposition and degradation: increased internal conflict, sexual promiscuity, drunkenness, asociality of a younger generation (manifested in the rise of mass hooliganism), weakening of control over the younger generation (educational functions). However, at the same time there was a tendency of new, more conscious relationship based on equality and self-control. The first was due to a marginal position of the considerable part of the workers, the second revealed the emergence of the working class and its inherent family of a new type. This situation was not any typical for Siberia only. The same processes occurred in the family of the Russian worker. Changes in Siberia were not that deep and profound due to its slower socio-economic development. The feature of Siberia is a more free marital relationship not only among the workers but also among the traditional layers of the Siberian society who became the basis for the formation of the working class.

Key words: Siberia, family, workers, family relations.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-44

На протяжении столетий семья является самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством, с помощью которого сохраняется и передается культура народа. Именно в семейном быту, в закреплённом обычае порядке повседневной жизни хранится и передается из поколения в поколение та социальная наследственность, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем биологическая. Национальные традиции, менталитет зафиксированы в межличностных отношениях в семье, в стереотипах поведения взрослых и от них передаются ребенку.

Отношения в семье и обществе находятся в тесном взаимодействии и обуславливают друг друга. Регламентация сферы внутрисемейных взаимоотношений в дореволюционной России со стороны церкви и государства была незначительной. Взаимные права и обязанности супругов, родителей и детей были сведены в Своде законов к нескольким нормам, которые, безусловно, не исчерпывали всего многообразия в этой области семейного быта.

Подобная ограниченность законодательных правил, казалось, должна бы предполагать значительную свободу в развитии системы внутрисемейных взаимоотношений. Однако именно сфера личных взаимоотношений между членами семьи оказывается в значительной степени консервативной.

Модернизация Сибири, ускоренная и интенсифицированная началом в 1890-х гг. строительства Транссибирской железной дороги, коренным образом меняла экономику региона, а вслед за этим и социальную структуру. В первую очередь подвергались трансформации те слои общества, которые непосредственно были втянуты в модернизационные процессы, на базе которых формировались новые индустриальные классы и социальные группы: буржуазия, менеджеры и промышленный пролетариат.

В соответствии с требованием времени качественно изменялась и семья. Менялась её структура в сторону упрощения, изменялись и внутрисемейные отношения, все более демократизируясь и разрушая традиционную иерархию. Изменялась роль женщины в семье и обществе в целом. Впрочем, в рассматриваемый период внутрисемейные отношения в рабочей среде были обусловлены во многом еще традиционным взглядом на семью, присущим как широким крестьянским массам, так и городскому мещанству. Но вместе с тем именно в рабочей семье в наибольшей степени отразились перемены социально-экономической жизни.

Безусловным признавалось главенство мужа в семье. Прежде всего это восходило к вековому патриархальному авторитету мужа как сакрального главы семейства, что нашло свое подтверждение и в христианской религии, призывавшей устами апостолов Петра и Павла всех жен повиноваться своим мужьям [1].

К тому же и российское законодательство гласило о том, что жена обязана была полностью повиноваться своему мужу как главе семейства, «пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» [2, с. 96]. Все это также поддерживалось старыми патриархальными традициями, имевшими еще большое влияние и в рабочей среде, состоявшей по преимуществу из недавних деревенских жителей.

В рассматриваемый нами период авторитет мужа в семье укреплялся не только старыми традиционными представлениями, но и новыми экономическими обстоятельствами.

Как уже отмечалось, «женщины в гораздо меньшей степени... участвовали в пополнении семейного бюджета, что означало для многих из них отсутствие экономической самостоятельности и зависимость в семье от мужчины. В Омске в конце 1870-х гг. среди женщин трудоспособного возраста только меньше трети зарабатывали себе средства самостоятельно, главным образом в качестве прислуги, а остальные жили за счет своих мужей, отцов, других родственников и благотворительности» [3, с. 55]. Едва ли ситуация в этом плане сильно изменилась в 1890–1910-е гг. Так, например, по данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., средний показатель занятости женщин на работе в самой промышленно развитой в Сибири Томской губернии составлял 9,3%, что было совершенно недостаточно для экономической самостоятельности женщин, тем более, если учитывать тот факт, что заработная плата женщин была на 30–50% ниже, чем у мужчин [4, с. 251].

Некоторые архивные материалы начала 1920-х гг. также позволяют взглянуть на занятость женщин из рабочих семей. Так, согласно «Опросным листам по оказанию материальной помощи» рабочим Новониколаевска в 1923 г. среди взрослых женщин работающих оказалось 23,5% [5], по «Семейным карточкам» городской переписи 1923 г. в Барнауле в рабочих семьях только 38% взрослых женщин были трудоустроенными [6]. В целом эти данные говорят о росте женской занятости. Если брать за начало отсчета уже упомянутый средний показатель занятости женщин 1890-х гг., равный 9,3%, то в первом случае к 1923 г. этот показатель возрос в 2,5 раза, во втором — в 4 раза. И, тем не менее, удельный вес работающих женщин по-прежнему оставался небольшим. Таким образом, можно говорить не только о сохранении традиционного авторитета мужа, но и о становлении нового, экономически обоснованного авторитета.

Эта ситуация была характерна не только для Сибири или России в целом, но и для развитых стран Запада. Так, например, М.К. Лобарт пишет о французской рабочей семье: «Вклад каждого из супругов

в благосостоянии семьи часто отражался на их взаимоотношениях, особенно в рабочей среде, где зарабатывал обычно только мужчина. Поэтому он был непререкаемым авторитетом» [7, с. 159]. Эмиль Золя, описывая быт шахтеров, также показывал, какое уважение оказывалось главе семейства: «мясное всегда оставляли отцу, если хватало на одного человека... когда отец обедал, никто не разговаривал» [8, с. 421]. Подобным же образом пища делилась между членами семьи и в Сибири. Вот, например, описание распределения питания в сибирской семье, данное Е.А. Дегальцевой: «Самые большие куски мяса доставались хозяину, меньшие — хозяйке и снохам, детям — самые маленькие» [9, с. 175].

Тем не менее все увеличивающееся участие женщин в производстве нарушало традиционную субординацию между мужем и женой. Н.А. Араловец так определяет характер этих изменений в 1890–1920-х гг.: «Отношения между супругами становились равноправнее в том случае, если жены работали наравне с мужьями. Это, в частности, наблюдалось в текстильной промышленности. Однако в целом в рабочих семьях сохранялись строгие правила поведения. Так, например, жена должна была спрашивать у мужа разрешение выйти из дома. Нарушение этого правила могло привести к острому семейному конфликту, порождая недоверие и враждебность между мужем и женой» [2, с. 99]. Нужно отметить и то, что преобладание в рабочей среде одно- и двухпоколенных семей также играло большую роль в смягчении патриархальных нравов, так как эти нравы во многом поддерживали старики-родители.

Кроме того, и нравы самих сибирских крестьян — основной базы формирования пролетариата, — были не столь патриархальны, как, например, в Европейской России. По этому поводу Н.А. Миненко отмечала: «Сравнительно мало различий обнаруживается в отношениях супругов у крестьян Западной Сибири и Европейской России. На рассматриваемой территории, однако, положение женщины оказывалось более самостоятельным, менее зависимым от «хозяина».

Разводы случались в Сибири чаще, чем к западу от Урала. И одна из причин заключалась в большей требовательности народной этики к супругам, в стремлении нормализовать семейный быт, «...лучше развод, чем сожительство людей, ненавидящих друг друга, не способных и не желающих поддерживать взаимное согласие» [10, с. 137]. Отмечались случаи бегства жен от своих супругов в другие деревни и вступления там в новые браки и даже случаи бегства к инородцам в «Киргизскую степь» и «Бухару» [10, с. 123, 128]. Так что основа независимого поведения женщин была заложена уже условиями самой сибирской жизни.

Если муж как глава семьи являлся основным бытчиком средств существования, то функция жены

заключалась в ведении домашнего хозяйства. Жена следила за порядком и чистотой в доме, занималась приготовлением пищи, шитьем, прядением и другими делами по домашнему хозяйству. В ее ведении находилась зачастую и трага заработанных мужем денег, хотя в основном все покупки совершались вместе или с разрешения супруга. На жене лежала также и основная часть обязанности по воспитанию детей.

Схожая ситуация наблюдалась практически во всех семьях рабочих России. Например, в семьях рабочих Урала, где также существовало традиционное разграничение обязанностей: «муж зарабатывал деньги, а жена вела дом, воспитывала детей. Хозяйственная деятельность жен расширялась. Так, они могли делать покупки самостоятельно, без участия мужа. Были случаи, когда муж отдавал заработанные деньги жене, а не как обычно полагалось своей матери» [2, с. 105].

Однако гораздо тяжелее приходилось работающим женщинам. Жены рабочих, занятые на производстве, выполняли положенную им домашнюю работу рано утром или поздно вечером, а также в нерабочие дни. Обед зачастую готовили накануне вечером. Вернувшись домой с работы, вновь готовили, мыли, убирали и, при необходимости, стирали белье или чинили одежду. Надо сказать, что подобная ситуация оставалась во многом такой же и позднее, в 1920-е гг.: «О чрезмерной загрузке женщин работой в домашнем хозяйстве свидетельствуют следующие данные: в среднем на каждые 100 часов работы на производстве у женщин-работниц приходилось 126 часов домашнего труда. По опросам и самонаблюдениям женщин в Томске, Красноярске, Новосибирске и других городах Сибири, проведенных в 1926/27 и в 1928/29 гг., работница была занята в домашнем хозяйстве ежедневно от 4 до 6 часов. В ответах на вопросы анкет об использовании свободного времени большинство работниц отмечало, что работа в домашнем хозяйстве занимает свободное время почти целиком» [11, с. 107–108].

Но не только чрезмерно возросшая для семейных женщин, занятых на производстве, физическая нагрузка стала главной проблемой. Как отмечала М.В. Балахнина, «...двойная занятость женщин в условиях вовлечения их в производство порождала у них ролевые конфликты (женщина-работница — женщина-мать), что вызывало чувство дискомфорта и соответственно становилось причиной развода и многих социально-негативных явлений. Трудно совмещать два вида деятельности, которые требуют совершенно различных качеств и поведения, т. е. подразумевают постоянное переключение с одного стиля поведения на другой» [12, с. 70–71]. И далее автор констатирует еще более негативные последствия модернизации и женской эмансипации: «Изменение женской психологии под воздействием процесса эмансипации, активно начавшейся

в 1920-е гг., имело тяжелые последствия для общества, связанные с изменением личности женщины, ее нравственных и эстетических норм, ценностей. Все эти изменения в настоящее время получили название «синдрома маскулинизации». Они способствовали росту традиционно мужских пороков (курение, пьянство, преступность). Происходили постепенная девальвация традиционно женственных ценностей (семья, муж, дети) и рост ценностей эгоистических и профессиональных, традиционно мужественных (работа, карьера, личный успех, свобода и независимость)» [12, с. 73].

Впрочем, нельзя говорить о том, что в конце XIX — начале XX в. семейные взаимоотношения в рабочей среде определялись исключительно экономическими условиями. Во многом сохраняли силу далеко не лучшие пережитки прошлого. Особенно это относилось к рабочим из бывших мастеровых. Вот что об этом писала в 1890-х гг. М. Швецова: «Еще заметнее влияние того же прошлого отражается в грубости нравов, не исчезнувшей до сих пор. В течение нескольких поколений проводя половину жизни в работе под землей; не имея права распоряжаться собой самостоятельно в свободное от казенной работы время, так как и в часы отдыха он (рабочий. — *В.Ф., Ю.М.*) обязан был заниматься своим хозяйством по приказанию начальства; живя под постоянным страхом наказания за каждый даже самый ничтожный проступок, а иногда и без всякого проступка, не будучи уверен, что завтра же его не переведут куда-нибудь за тридевять земель, и придется бросить все и сызнова обзаводиться и семьей и хозяйством — под давлением всего этого горнорабочий переставал ценить жизнь и заботиться об ее удобствах, становился угрюмым и суровым в отношениях к другим и начинал сам теснить и наказывать кого мог, прежде всего, своих домашних, находящихся в полной зависимости от него. Поэтому и грубость нравов риддерских обывателей с особенной силой сказывается в семейных отношениях» [13, с. 10].

Все это выливалось в бесконечные семейные конфликты: муж открыто тиранил жену, та, в свою очередь, изощрялась с помощью хитрости как можно сильнее отомстить мужу, и оба, будучи родителями, срывали свою злость на детях. «Вообще, — пишет М. Швецова, — отношения супругов между собой и родителей к детям, часто прямо поражают зверской жестокостью» [13, с. 12]. Автор отмечает то, что, конечно же, не все наблюдаемые ею семьи риддерских рабочих отличались подобными внутрисемейными отношениями. Были и примеры совершенно иных взаимоотношений. Но все же большинство семей жили именно в гнетущей обстановки озлобленности и конфликта.

В.Я. Шишков дает во многом похожее описание подобной семейной жизни: «Мужья били жен молча

и стиснув зубы. Били, не находя никакой вины за бабой, а так просто со злобы, вымещая на ней сердце за свою никчемную жизнь. А потом жалели их, целовались и плакали вместе, но проходил день, проходила неделя — и опять повторялись драки, и опять слышался рев, то в одной, то в другой избе. Когда мужики отправлялись в тайгу, на промысел, бабы иной раз заводили шашни с оставшейся молодежью, с кем попало — с прохожим молодым бродягой, с попом-кутилой, с политическим ссыльным. И не всегда ради разврата, и иной раз по озорству, из желания отомстить мужу, сделать ему больно» [14, с. 205].

Отношение к детям нередко было жестким. Их часто наказывали по малейшему поводу. Однако подобное отношение к детям было обычным для общества того времени во всех социальных слоях. Но и в этом вопросе дела у рабочих из бывших мастеровых обстояли значительно хуже. Так, М. Швецова отмечала: «Дети в семье — совершенно бесправные существа. Для родителей они являются большей частью обузой, даже мальчики, помощь которых может быть лишь ничтожною, тогда как затраты на их воспитание очень значительны: при малых размерах хозяйства родители справлялись с ним собственными силами, не чувствуя особой нужды в помощи детей, найти которым посторонний заработок в то же время очень трудно; а между тем дети требуют и пищи, и одежды, и пр. — следовательно, нужны расходы. Поэтому в большинстве семей риддерские дети не пользуются особенной любовью родителей и видят от них гораздо больше побоев, чем ласки» [13, с. 11].

Детей рано приучали к труду, и если они не находились на какой-либо работе на стороне, то помогали родителям по дому. Здесь, как правило, существовало жесткое разделение труда на мужской и женский. Девочки помогали матери управляться с хозяйством дома и следить за младшими детьми, мальчики помогали отцу в промыслах и сельхозработах. Стоит отметить и то, что при работающих родителях дети, не будучи где-либо занятыми, зачастую оставались безо всякого контроля. Если работали оба родителя, то контакты с детьми ограничивались большей частью коротким промежутком времени между вечерним возвращением родителей домой и отходом ко сну. Говорить в данном случае о каком-либо серьезном воспитательном воздействии родителей на своих детей не приходится. Ситуация в этом плане была у рабочих, конечно же, гораздо хуже, чем у представителей традиционных социальных слоев. Если крестьяне, ремесленники, надомные рабочие воспитывали и дисциплинировали детей, привлекая их к производительному труду, то фабричные рабочие, занятые на производстве вне дома, лишь в незначительной мере могли контролировать своих детей. Тем самым снижалось значение родителей, и прежде всего отцов, в социализации многих детей рабочих.

Взгляды на обязанности детей по отношению к родителям оставались во многом прежними, тем более, что жизненные условия не давали пока возможностей для их пересмотра. Так, например, дети обязаны были содержать родителей в старости, так как социальных гарантий обеспечения по старости или иной нетрудоспособности практически не было — российское законодательство в это время делало только первые робкие шаги в этом направлении.

Господствующие в сибирской семье традиционные патриархальные принципы отношения к сексуальному поведению в рабочей семье соблюдались в гораздо меньшей степени [15, с. 232]. Стоит привести свидетельство М. Швецовой: «Отношения между парнями и девушками очень свободные, даже распущенные... Последствием такой свободы отношений между полами нередко бывает беременность девушки, а затем вытравливание плода или роды и детоубийство, так как девушка, имеющая ребенка, не может рассчитывать выйти замуж» [13, с. 11]. Такое поведение не встречало осуждения у старшего поколения. Рассуждали так: «Девушке замуж надо, а кто ее возьмет с ребенком? Умер, и слава Богу!» [13, с. 12]. Не осуждалось и разгульное поведение женщин, но только до замужества: «Есть даже девушки, открыто занимающиеся проституцией, что не мешает им впоследствии выходить замуж, после чего «вольная жизнь» считается уже предосудительной» [13, с. 12]. Мужская же сексуальная свобода после вступления в брак осуждалась гораздо меньше. Даже юридически «муж признавался прелюбодеем только в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее, тогда как жене ставилась в вину любая внебрачная связь» [16, с. 29].

Впрочем, подобная культура половых отношений была свойственна не только сибирскому пролетариату, но и рабочему классу вообще. По этому поводу в 1909 г. в своей работе «О половом и семейном вопросах» Н.К. Михайловский писал следующее: «Разврат фабричных известен. Дети фабричных очень рано знакомятся с половой жизнью, а девочки часто с раннего возраста становятся матерями вне брака» [17, с. 70]. А вот слова из работы Л. Энгельштейн: «В 1913 г. один из криминологов назвал “детей из пролетарских семей”, “невольными свидетелями различных семейных сцен, разбитой жизни и пьяного полового угара”» [18, с. 30]. В другом месте она приводит слова исследователя того времени Файнгара, в которых говорилось о рабочих: «В его описании они представляются развращенными, дегенеративного типа существами “с ослабленной волей, болезненно развратной фантазией и склонностью к пьянству и курению”» [18, с. 292]. Безусловно, к такого рода точкам зрения на рабочий класс нужно относиться с известной долей скепсиса, признавая, впрочем, их частичную правоту. О чем свидетельствует, например, одна

из статей «Сибирских вопросов», в которой живописно рассказывается о досуге низов Томска. Этот весьма частый досуг начинался с обильной пьянки в кабаке и продолжался на улице. «Под забором, недалеко, стоят и покуривают “дежурки” — проститутки самого низшего разбора, особы основательно прошедшие “Крым и Рим, огонь, воду и медные трубы”. За рюмочку “с закуской” расточают они щедро ласки и утех любви — на “собственной подстилке” из мучных мешков больше, в теплом сарае, в конюшне ближайшего знакомого дворника или кучера...» [19, с. 70]. Нужно отметить и то, что такого рода досуг являлся уделом не одного только рабочего класса, но и представителей военного и купеческого сословий [9, с. 37].

Вполне естественно, что подобный образ жизни, свойственный значительному числу рабочих, — пьянство, разврат, жестокие отношения супругов между собой и к детям, зачастую отсутствие регулярного контакта с детьми, — не мог не сказываться на семейной жизни и семейных взаимоотношениях отрицательным образом, следствием чего становились многочисленные конфликты, разлады и неурядицы семейной жизни. Ни о каком нормальном воспитании детей в подобных условиях не могло идти и речи. Как отмечал по этому поводу В.А. Зверев, «социализация молодых поколений в традиционном обществе, ориентированная на формирование заданных «по старине» параметров личности и возрастной когорты, социальной группы редко давала сбои и в основном достигала своей цели» [20, с. 202]. По мере же исчезновения выработанных традицией ориентиров, с одной стороны, и, с другой стороны, отсутствия полноценной им замены, хотя бы и в форме самоконтроля, а до него нужно было еще дорасти, социализация подрастающих поколений становилась все более сложной, с частыми срывами, примером чего может служить явление массового хулиганства молодежи в 1900–1920-е гг. Таким образом, можно предположить, что большинство проблем взаимоотношений в рабочей семье, в первую очередь проблем социализации детей, являлось следствием маргинального состояния значительной части пролетариев, когда они уже утратили, пускай даже и не до конца, связь со своим традиционным прошлым, но не обрели еще нового, современного уклада жизни.

Однако подобное поведение было свойственно далеко не всем рабочим. И в их среде находилось немало примеров достойного семейного поведения и успешной социализации детей. Стоит привести довольно интересные факты, изложенные в работе Л. Энгельштейн, говорящие в пользу нарождавшихся новых социальных и, соответственно, семейных взаимоотношений. Так, в частности, в начале XX в. отмечалось, что среди женщин — фабричных работниц наблюдался очень низкий уровень преступности. По данным исследования 1870–1910 гг., процент де-

тоубийств, совершенных женщинами, был ниже всего среди фабричных работниц и женщин, обладавших высоким уровнем образования [18, с. 111].

Подводя итоги, отметим, что внутрисемейные отношения рабочих Сибири подверглись в исследуемый период лишь незначительным изменениям. Эгалитаризация и демократизация только намечались. В целом оставались господствующими традиционные патриархальные отношения, подкрепляемые и основным вкладом в семейный доход мужа — главы рабочей семьи. Это также обуславливалось низкой занятостью женщин на производстве, что консервировало прежние патриархальные отношения. Вместе с тем в рабочей семье наблюдались явления разложения и деградации: усиление внутренней конфликтности, сексуальной распущенности, пьянства, асоциальности подрастающего поколения (проявляющегося, в том числе, и в росте массового хулиганства), ос-

лабление контроля над подрастающим поколением. Но одновременно нарастала и тенденция новых, более осознанных взаимоотношений, основанных на равноправии и самоконтроле. Первое являлось следствием маргинального положения значительной части рабочих, второе — признаком появления рабочего класса и присущей ему семье нового типа.

Подобная ситуация не являлась какой-либо особенностью развития семьи рабочего класса в Сибири. Такие же процессы происходили и в семье русского рабочего. Сибирь лишь отставала в масштабе и глубине изменений из-за своего значительно меньшего и более позднего социально-экономического развития. Особенностью Сибири можно признать более свободные супружеские отношения не только среди рабочих, но и среди традиционных слоев сибирского общества, ставших кадровой основой становления рабочего класса.

Библиографический список

- 1-е Петра. 3, 1.; Еф. 5. 22.; Кол. 3,18.
- Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. — М., 2003.
- Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 2004.
- Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. — Барнаул, 2007.
- Государственный архив Новосибирской области. — Ф. 10. — ОП. 1. — Д. 555, 556.
- Государственный архив Алтайского края. — Ф. Р. 212. — Оп. 1. — Д. 950–1001.
- Ломбарт М.К. Семья во французском обществе XVIII — начала XX века. — М., 2005.
- Золя Э. Собрание сочинений: в 18 т. — М., 1957. — Т. 8.
- Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX — начале XX вв. — Барнаул, 2005.
- Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). — Новосибирск, 1979.
- Исаев В.И. Адаптация семейного уклада городского населения Сибири в условиях индустриально-урбанистического общества в годы первых пятилеток // Адапционные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения азиатской России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск. 17–18 ноября 2008 г.). — Новосибирск, 2008.
- Балахнина М.В. Изменение психологии женщин-работниц Западной Сибири в 20-е гг. // Из прошлого Сибири: межвузовский сборник научных трудов Вып. 2. Ч 2. — Новосибирск, 1996.
- Швецова М. Из поездки в Риддегерский край. — Омск, 1898.
- Шишков В.Я. Тайга // Собрание сочинений: в 8 т. — М., 1983. — Т. 1.
- Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2002.
- Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. — М., 1997.
- Михайловский Н.К. О половом и семейном вопросах. — М., 1909.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиск путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. — М., 1996.
- Алтайский Б. В царстве черныди // Сибирские вопросы. — 1906. — № 6.
- Зверев В.А. Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. — Новосибирск, 1993.